

Произведенный нами анализ показал, что 80 % метафор, актуализирующих концепт «предательство», подверглись переводческим трансформациям. Лексическая замена имеет место в 15 % случаев, антонимический перевод – в 6 %; деметафоризация – в 25 %, поиск эквивалента – в 34 %.

Л. В. Солонович (Минск, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ (на примере романа Г. Бёлля «Глазами клоуна»)

Перевод является посредником в межкультурном диалоге, осуществление которого требует от переводчика владения специальными навыками и компетенциями. Сам переводческий процесс характеризуется некоторыми особенностями и предполагает их учет с целью создания успешного диалога культур. Одной из таких особенностей является наличие фоновой информации у реципиентов оригинального текста и ее отсутствие у представителей иной лингвокультурной общности. Поэтому перевод художественного текста подразумевает определенную степень адаптации прагматического потенциала произведения, в результате реализации которого на реципиента оказывается воздействие, именуемое коммуникативно-прагматическим эффектом. Реакция рецептора художественного текста обусловлена различными факторами: от индивидуально-личностных качеств до социально-культурной принадлежности. Последний аспект представляется релевантным с точки зрения межъязыкового и межкультурного взаимодействия.

Лексемы, обладающие фоновой и культурологической информацией, оказывают существенное влияние на восприятие вторичного текста. Обращаясь к дефинициям данного явления, отметим, что в лингвистической литературе наиболее типичными обозначениями указанных лексем являются такие термины, как реалии, безэквивалентная лексика, культурема, лингвокультурема. Общим для всех определений является наличие национально-специфического компонента.

Анализ классификаций реалий показал, что большинство из них основывается на тематических признаках. Так, в классификации В. П. Фурмановой они подразделяются на три группы: культурно-исторические, общественно-политические и этнографические реалии [1]. Аналогичной точки зрения в вопросе предметной классификации реалий придерживаются С. Влахов и С. Флорин. Авторами предлагаются и иные деления с точки зрения временного, переводческого и местного деления [2, с. 17–18].

Исследование реалий в романе Г. Бёлля позволило выявить широкое тематическое разнообразие. В произведении присутствуют лексические единицы, характеризующие культурно-историческую эпоху и время написания романа, которые зачастую представляют собой наименования административно-политического аппарата Германии во время Второй мировой войны;

имеют место интертекстуальные элементы, подразумевающие наличие знаний о художественной литературе и фольклоре Германии у рецептора. Рассмотрим, как указанные реалии передаются во вторичных текстах. Для более полного описания процесса перекодировки культурно маркированных лексем мы сопоставили оригинал с двумя русскоязычными переводами, один из которых выполнен Л. Б. Чёрной, а другой – Р. Я. Райт-Ковалёвой. Далее в тексте русские варианты романа приводятся в указанной последовательности.

Анализ показал, что культурно-исторические реалии эксплицируются в переводном тексте: *Dabei war er es, der meine Mutter zwang, uns zum Dienst zu schicken, mich ins Jungvolk und Henriette in den BDM* ‘А ведь не кто иной, как Шницлер, настоял на том, чтобы мать послала нас к нацистам – меня в юнгфольк, а Генриэтту – в «Союз немецких девушек»»; ‘А ведь это он заставил маму послать нас на военное обучение – меня в юнгфольк, а Генриетту в Союз германских девушек’. В данном примере фиксируется также использование транслитерации. Аналогичную тенденцию можно проследить и на следующем примере: *der stellvertretende Ortsgruppenleiter Lövenich* ‘**Нацист** Левених, исполнявший обязанности ортсгруппенляйтера’; ‘**Член нацистской партии**, заместитель ортсгруппенляйтера Лёвених’.

В романе присутствуют также реалии из школьной системы образования, которым зачастую нет аналогов в системе образования русскоговорящих стран: *mit einundzwanzig von der Untersekunda* ‘в двадцать один год ушел из шестого класса гимназии’; ‘В двадцать один год я ушел из последнего класса католической школы’. В обоих вариантах перевода лексема *Untersekunda* заменяется. В переводе Л. Чёрной используется описательный перевод, а в варианте Р. Райт-Ковалёвой применяется конкретизация. Различные подходы к переводу реалий наблюдаются и в следующих примерах: *und als er dann eine Klassenarbeit fünf schrieb* ‘а когда он вскоре написал контрольную работу на «неудовлетворительно»»; ‘И когда он написал сочинение на «пять» – низшая отметка’; *daß er die nächsten Arbeiten wieder drei und zwei schrieb* ‘что следующие контрольные он опять стал писать на «удовлетворительно» и на «хорошо»»; ‘что он скоро опять стал получать «два» и «три»’. В некоторых случаях лексемы утрачивают национально-культурный компонент в силу объективных факторов: *er war Studienrat gewesen* ‘он был учителем’; ‘он был школьным учителем’. Лексема *учитель* не передает полностью значение слова *Studienrat* «*beamteter Lehrer an einer höheren Schule*».

Таким образом, переводчики по-разному решают проблемы, возникающие на основе национально-культурных различий. Однако в вопросе передачи элементов интертекстуальности, а именно ссылок на народные немецкие сказки, переводчики, как правило, используют культурологический комментарий: *Als einer der Jungen fragte, wie dieser Held geheißen habe, sagte ich: «Rübezahl»* ‘Один из слушателей спросил, как звали героя, и тут у меня вырвалось:

– Рюбецаль [популярный герой немецких сказок]’.

‘Когда один из мальчиков спросил, как звали этого героя, я сказал:

– Рюбецаль [ссылка на комментарий]’.

Nichts blinkte unten auf der Straße, obwohl alles hellerleuchtet war, kein Sternthaler zu sehn ‘На мостовой ничего не блеснуло, хотя улица была хорошо освещена; никаких «звездных талеров» [«Звездные талеры» – сказка братьев Гримм]’; ‘Внизу на улице ничего не блестело, хотя освещение было яркое, никаких звездных талеров я не увидел’. В данном примере Р. Райт-Ковалёва отказывается от комментария, полагаясь на общие знания читателя.

В романе присутствуют также денежные наименования (например, *der Grosche*), которые в процессе перевода конкретизируются, а также единицы, характеризующие быт немецкоговорящего населения. Интересным представляется пример: *Sie hatte einmal unserem Briefträger fünfundzwanzig Pfennige als Neujahrstrinkgeld gegeben* ‘Однажды она дала нашему письмоносу двадцать пять пфеннигов в качестве новогоднего подарка’; ‘Как-то она дала почтальону на Новый год двадцать пять пфеннигов на чай’. Лексема *Neujahrstrinkgeld*, не имеющая аналога в жизни русскоговорящих стран, передается описательным переводом.

Таким образом, в романе встречаются реалии и культуремы из различных сфер жизни человека. Некоторые из них характеризуют историческую эпоху, другие относятся к бытовой сфере, элементы интертекстуальности также имеют место. Реалии репрезентируют фрагменты языковой картины мира, которые должны отождествляться реципиентом вторичного текста со своей языковой картиной мира. Наиболее частотным способом перевода реалий является описательный перевод. Переводческий (культурологический) комментарий используется при передаче элементов интертекстуальности и народного фольклора. Следует отметить, что сравнение двух вариантов перевода не выявило однозначной тенденции по отношению к тому или иному типу реалий.

В заключение отметим, что сопоставление оригинальных и переводных произведений позволяет, с одной стороны, определить доминирующие способы перевода лексики, обладающей национально-культурным компонентом, а с другой – выявить точки соприкосновения и специфичность сравниваемых культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фурманова, В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков (языковой вуз) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / В. П. Фурманова ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1994. – 58 с.
2. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Р. Валент, 2009. – 360 с.

3. Böll, H. Ansichten eines Clowns [Электронный ресурс] / H. Böll // Электронная библиотека RoyalLib.Com. – Режим доступа : http://royallib.com/book/ll_einrich/Ansichten_eines_Clowns.html. – Дата доступа : 15.08.2016.
4. Бёлль, Г. Глазами клоуна [Электронный ресурс] / Г. Бёлль ; пер. Л. Чёрная // Большая онлайн-библиотека e-Reading. – Режим доступа : <http://www.e-reading.club/book.php?book=129710>. – Дата доступа : 04.09.2017.
5. Бёлль, Г. Глазами клоуна [Электронный ресурс] / Г. Бёлль ; пер. Р. Райт-Ковалёва // Большая онлайн-библиотека e-Reading. – Режим доступа : <https://www.e-reading.club/book.php?book=9967>. – Дата доступа : 04.09.2017.

К. И. Таунзенд (Москва, Россия)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ КАК ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ЭПОХИ

В эпоху Екатерины II переводам книг по гуманитарным наукам уделялось особое внимание. Описывая сферу читательских интересов императрицы, С. В. Королёв – исследователь истории Эрмитажной библиотеки в XVIII в. – отмечает, что, наряду с зарубежной драматургией и трудами архитекторов и гражданских инженеров, в собрании иностранных книг Екатерины II имелся «обширный комплекс разноязычных (...) документов государственного и гражданского права; последние должны были легализовать ее планы реформирования политической системы России» [1, с. 6]. Разноязычные сочинения и их переводы по теории и истории права составляли немаловажную часть специальной литературы на протяжении всего XVIII в. и оставили заметный след как в отечественной истории, так и в истории перевода в России.

В этой связи чрезвычайный интерес для исследования представляет перевод с английского подлинника, выполненный С. Е. Десницким, при участии А. М. Брянцева, под названием «*Истолкования аглинских законов г. Блэкстона, переведенныя по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской*», вышедший в 3 книгах в Университетской типографии у Н. Новикова в 1780 – 1782 гг. [2]. Этот перевод всемирно известного сочинения Уильяма Блэкстона «Commentaries on the Laws of England» [3] до сих пор не получил научно-критического описания и, как следствие, не введен в научный оборот языкознания и переводоведения. Тем не менее для современной науки о переводе этот русский текст представляет богатейший источник весьма интересных данных о стратегии русских переводчиков XVIII в. в передаче реалий и культурно-специфической информации, о мировоззрении и взглядах самого переводчика, отраженных в его примечаниях и оценочной лексике в тексте, о стилистических исканиях и испытании ресурсов национального языка в переводе.